

Литература:

1. Ахметова Г.Д. Традиции реализма в едином культурно-языковом пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Выпуск 86. № 37 (328). 2013. С. 123 – 126.
2. Ахметова Г.Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX – XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.
Источник:
3. Прилепин Захар. Обитель: роман. Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 746 с.

*Бакум З. П.,
доктор педагогических наук, профессор,*

*Пальчикова А. А.,
преподаватель,
Криворожский педагогический институт,
ГВУЗ «Криворожский национальный университет»,
Кривой Рог, Украина*

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ УКРАИНСКОМУ ЯЗЫКУ

Abstract. The article considers the problem of teaching students foreign languages by means of comparing national linguistic pictures of the world. The analysis of linguistic and linguadidactic literature allows to interpret linguistic picture of the world as a set of knowledge about the world embodied in language form, more precisely - the specific features of the national language, reflecting cultural, historical and social experience of a particular nation. In this regard the national linguistic pictures of the world are not identical. The authors lay stress on the importance of taking into account the fact of national specific differences of linguistic pictures of the world in teaching foreign students Ukrainian as a foreign language, also indicate that special attention should be paid to linguacultural work with vocabulary and phraseology, in which national and cultural experience is embodied.

Одним из важнейших источников получения знаний является язык. Во время выполнения определенного вида деятельности индивид фиксирует результаты последнего в слове. Вследствие этого в языковых единицах закрепляется отраженный в человеческой памяти объективный мир, который для каждого языка является уникальным и в совокупности своих элементов формирует языковую картину мира.

Исследуя влияние языка на человеческое восприятие, Э. Сепир и Б. Уорф разработали «гипотезу лингвистической относительности», согласно которой, люди, говорящие на разных языках и являющиеся представителями различных культур, воспринимают мир неодинаково. Отсюда следует, что язык оказывает влияние на тип мышления его носителей и определяет способ познания окружающей действительности [7].

Эту мысль поддерживал Л. Вайсгербер, указывающий на взаимозависимость человеческого сознания и языковой картиной мира. Ученый предполагал наличие относительной свободы между ними, которая придает неповторимые, индивидуальные черты каждому языковому субъекту, однако ограничивает личность национальной спецификой языковой картины мира: «Каждый человек имеет возможность маневрировать в процессе усвоения и применения родного языка и ... он вполне способен сохранять своеобразие своей личности в этом

отношении» [2, с. 100]. С этой точки зрения, ссылаясь на труды Э. Сепира, Л. Вайсгербер указывает на то, что различные языки представляют различные миры, то есть субъекты, использующие те или иные языки, живут в различных мирах, а не в одном и том же, на который навешано множество ярлыков.

Вслед за Л. Вайсгербером, И. Гальперин отмечал, что не существует тождественных картин мира, поскольку информация об одном и том же предмете в различных языках не передается одинаковыми словами. Каждый язык отражает окружающую действительность по-разному, что обусловлено неодинаковым социально-историческим развитием стран, общественным укладом народов, материальной и духовной жизнью субъектов. Указанные факторы существенно влияют на национальное сознание этноса, создавая неповторимость в стиле его мышления, что, в свою очередь, отражается в лексико-семантическом наполнении каждого языка [3].

Например, студент-иностранец, поступивший на подготовительное отделение украинского вуза, уже обладает определенным образом сложившейся языковой картиной мира, которую воплощает в вербальном общении на родном языке, однако сложность заключается в том, что он часто переносит языковые и культурные реалии на чужую языковую картину. Это приводит к несогласованности между объективным содержанием мысли говорящего и формой ее выражения на украинском языке. Таким образом, основные недоразумения при общении возникают из-за несоответствия языковых средств выражения аналогичной информации в двух языках или наличия названий определенных предметов, явлений в одном из языков и отсутствия их в другом. В таком случае, как подчеркивает И. Гальперин, речевые образцы одного языка начинают конкурировать и вступать в противоречие с таковыми в изучаемом языке [3, с. 48].

Наличие указанных трудностей в диалогической речи неизбежно приводит к появлению казусов, неразрешимых противоречий или языковых барьеров в общении. С этой точки зрения интересным оказывается сопоставление украинского и китайского языков. Известно, что языковые системы обоих языков очень различаются: китайский иероглиф играет роль буквы и одновременно имеет собственное значение, поэтому используется как независимое слово, тогда как в украинском языке буква является графическим знаком, приобретающим значение при условии сочетания с другими буквами. Итак, уже на начальном этапе обучения украинскому языку у китайских студентов возникают трудности с приспособлением к новому алфавиту и пониманием значения слов в целом.

Исследования пекинских ученых Л. Хуася и Л. Юйхуей показывают, что в обоих языках особенно ощутимы различия в выражении даты. Лингводидакты приводят примеры с датой 15/05/08 и отмечают, что, если в украинском языке для ее обозначения используют порядковые числительные, то в китайском применяют количественные, при этом меняется последовательность слов в соответствии с изменением расположения чисел. Итак, в китайском языке вышеуказанная дата выглядит так: 2008/05/15, а предложение «Конференція відбулася 15 (п'ятнадцятого) травня 2008 (дві тисячі восьмого) року» звучит так: «Конференція состоялась две тысячи восемь год май пятнадцать» [8].

Болгарский лингводидакт К. Бабов приводит интересный пример: когда финский студент спрашивает русскоязычную продавщицу о стоимости фунта слив, забывая либо не зная, что как в России, так и в Украине фрукты и овощи измеряют в граммах или килограммах. Также удивление украинских продавщиц может вызвать просьба финна взвесить полкилограмма яиц, что легко объясняется особенностью продажи яиц на вес в Финляндии [1].

Довольно распространенным явлением считаются недоразумения, возникающие между польскими и украинскими студентами, когда речь идет о заведениях общественного питания. Как утверждает Л. Кочневска, поляку фраза «Мы пообедаем в кафе» покажется непонятной, поскольку в указанном месте можно полакомиться лишь чашечкой кофе с пирожным [4]. Од-

нако для украинского студента считается вполне обыденным перекусить в кафе, поскольку в меню последних есть не только десерты, а, как правило, вторые и даже первые блюда.

У многих народов языковая картина мира четко проявляется именно во фразеологическом фонде языка, где отражена история страны. Так, в украинском, русском, английском и французском языках для обозначения событий, произошедших давным-давно, используют соответственно такие устоявшиеся выражения: укр. За царя Томка, коли земля була тонка; рус. При царе Горохе; англ. WhenqueenAnnwasalive (досл. Когда королева Анна была живой), фр. TempsduroiDagobert (букв. Во времена короля Дагобера). В первых двух фраземах концепт «царь» является лицом вымышленным. Например, русское устойчивое выражение При царе Горохе своим распространением обязано трудам А. Афанасьева – известного собирателя фольклора. Так, одна из его сказок начинается словами: «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами и русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельными, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь, по имени Горох» [6, с. 263]. В Англии и Франции, напротив, королева и король соответственно, были подлинными историческими лицами, жившими в XVII веке, на время правления которых и указывают вышеупомянутые фразеологизмы.

Значимое место в отражении национальных черт мировоззрения народов занимают пословицы и поговорки. Так, если сравнивать в украинском и арабском языках такие межкультурные концепты, как: жизнь, смерть, добро, зло, любовь, ненависть – можно заметить различия в содержании понятий, поскольку разные народы рассматривают одно и то же явление по-разному. Большинство фразеологических выражений совпадают концептуально, однако не имеют аналогичных лексически эквивалентных языковых единиц выражения. Если смысл словосочетания «быть везунчиком, баловнем судьбы» понятен и в украинском, и в арабском языках, то на фразеологическом уровне эти выражения существенно различаются: укр. Народитися під щасливою зіркою (рус. Родиться под счастливой звездой) и араб. بأمرالسعداءمنسأللهأنبلغ (Он счастлив по Божьей воле).

Кроме того, арабам свойственно сравнивать приятную встречу с водой, омывающей печень. Дело в том, что в арабской культуре центральным органом человеческого тела является не сердце, как принято считать в славянских культурах, а печень. В жарком климате, где используют большое количество специй и употребляют много жирной пищи, от излишеств страдает именно печень. Поэтому у украинцев и у русских, переживающих довольно холодные зимы, все приятные впечатления, воспоминания и мечты ассоциируются с теплом, а у арабов, имеющих тепла в избытке, приятные ощущения и эмоции связаны с прохладой. Следовательно, на украинское у мене потепліло на серці (рус. у меня потеплело на сердце) араб обязательно ответит у меня похолодало на душе [5].

Итак, познакомившись с трудностями, с которыми иностранные и украинские студенты сталкиваются на лексико-фразеологическом уровне языковой системы, мы пришли к выводу, что при обучении языкам как иностранным необходимо учитывать факт национально специфических различий языковых картин мира обучающихся. Особое внимание нужно обращать на формирование умений пользоваться фразеологией изучаемого языка, потому что, с одной стороны, он открывает скрытый смысл этого языка (с помощью фразеологизмов передается культурный мир народа, коммуникант обогащается страноведческими знаниями), с другой, различия в семантическом наполнении языковых форм побуждают к сопоставлению родного и неродного языка, погружают говорящих в познание собственного языка, его истории, культурного развития. Знание идиом, пословиц и поговорок позволяет исследовать изменения как в самой структуре языка, так и в социально-исторической жизни народа – носителя этого языка, познать свойственные лишь определенному народу мироощущение, мировосприятие и мировоззрение, на основе чего складывается характерное представление о той или иной этнической группе.

Литература:

1. Бабов К. Проблемы интерференции в процессе обучения русскому языку в болгарской школе / К. Бабов, Ю. Дешериева. – София : Народна просвета, 1974. – 234 с.
2. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / Йоханн Лео Вайсгербер; [пер. с нем.; вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко]. – [3-е изд.]. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с. – (Серия «История лингвофилософской мысли»).
3. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка : [классический учебник по стилистике английского языка для факультетов ИЯ] / Илья Романович Гальперин. – М., Высшая школа, 1981. – 316 с.
4. Кочневска Л. Страноведческий аспект в обучении русскому языку / Л. Кочневска. – Jezykrosyjski, 1974. – № 3. – С. 31–45.
5. Лингвострановедческий словарь арабских паремий (с лексико-фразеологическими комментариями) / [сост. Е. В. Кухарева]. – М. : МГИМО(У) МИД России, 2007. – 277с.
6. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3-х т. / [сост. Бараг Л. Г., Новиков Н. В. ; ред. Померанцева Э. В., Чистов К. В.]. – М. : Наука, 1984. – Т. 1. – 512 с.
7. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку [Электронный ресурс] / Б. Уорф // Новое в лингвистике. – 1960. – Вып.1. – Режим доступа к журн. : <http://www.lib.izmailonline.com/textbooks/linguistics/512-otnoshenie-normpovedeniya-i-myshleniya-k-yazyku-uorf-b.html>. Дата обращения : 15 февраля 2014 года.
8. Хуася Л. Числівники українською мовою у порівнянні з китайською: специфіка значення, творення і вживання / Л. Хуася, Л. Юйхуей // Теорія і практика викладання української мови як іноземної. – 2008. – Вип. 3. – С. 273–276.

*Балановский Р.М.,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель, Колледж международных исследований,
Чжэцзянский университет,
Ханчжоу, Китай*

ЁСАНО ТЭККАН В ПЕРЕВОДАХ КОНСТАНТИНА БАЛЬМОНТА (НА ПРИМЕРЕ ДВУХ ТАНКА ИЗ СБОРНИКА «МУРАСАКИ»)

Abstract. This article discusses the Konstantin Balmont's translations of two tanka from Yosano Tekkan's book "Murasaki" published in 1901. A major problem with these translations is the Balmont's vision of Japanese genre canon which was transformed in Tekkan's individual style. The author determined two different types of Balmont's translation manner. The first is to underline the lyrical plot of the original by dismissing traditional landscape symbols of Japanese aesthetics. The second method is the opposite so that shows the contradiction of Balmont's translations of tanka. This paper also contains a variety of biographical and literary facts of that time to assist the reader in understanding the concept of "japonism" in the poetry of Russian symbolism and ends with a short list of references.

Константин Бальмонт (1867–1942) и Ёсано Тэкан (настоящее имя – Хироси, 1873–1935) – поэты и переводчики, практики и теоретики «новой поэзии» рубежа XIX – начала XX веков в России и в Японии. Их особую роль в идейно-эстетической борьбе своих стран трудно переоценить. Иначе обстоит дело с международными литературными связями поэтов, в частности, имеющими непосредственное отношение к взаимодействию России и Японии. Здесь имена Бальмонта и Тэкана теряются среди множества «равноположных величин»: ма-